

ВЛАДИМИР ГРИНЬКОВ

Я – ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ.
КИЛЛЕР К ЮБИЛЕЮ

ИДДК

Владимир Васильевич Гриньков
Я – телохранитель.
Киллер к юбилею
Серия «Я – телохранитель»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63549452

Аннотация

Всё началось с того, что богатый предприниматель нанял телохранителя для своей юной дочери. Та отправилась из Москвы далеко за Урал к своей подруге, дочери местного олигарха. И надо было сделать так, чтобы девушку охранял кто-то надёжный. С пистолетом. Но когда эта парочка прибыла на место, телохранитель мгновенно вычислил, что здесь никакой угрозы его подопечной нет, зато есть человек, за которым смерть ходит буквально по пятам. Он определил это сразу, потому что был настоящим профессионалом. По роману «Я – телохранитель» был снят популярный одноименный телевизионный сериал, премьера которого состоялась в 2008 году.

Владимир Гриньков

Я – телохранитель.

Киллер к юбилею

Детективный роман

Телохранитель Китайгородцев:

«Однажды я услышал от кого-то, что личный телохранитель, который не смог защитить своего клиента и тот погиб, – это плохой телохранитель. И что если даже он, в отличие от клиента, остался каким-то чудом жив – его надо увольнять по причине полной профессиональной непригодности. Так вот, по поводу профнепригодности я готов поспорить. Чудес на свете не бывает, и каждый может сделать только то, что возможно в данной ситуации. Ты можешь не отходить от клиента ни на шаг и не подпускать к нему никого на близкое расстояние – а в результате тебя вместе с ним расстреляют где-нибудь в потоке машин. Ты можешь настоять на том, чтобы клиент приобрел бронированный лимузин и по городу перемещался только в нем, – а твоего подопечного убьет снайпер в то мгновение, когда клиент будет выходить из машины. Убьет с расстояния метров в пятьсот, и убийцу никто так и не увидит. Даже пре-

зидентов, на охрану которых не жалеют денег, и тех убивают. Так что не всегда дело в профессиональной непригодности. Но вот с чем я согласен безоговорочно: телохранителя, который не уберез своего клиента, действительно надо увольнять. Потому что никогда уже больше он не будет уверен в себе на все сто. Никогда. А без этой уверенности телохранителя нет. В самую трудную минуту человек дрогнет, и снова все закончится трагедией. Если со мной случится подобная беда и я потеряю клиента – я уйду. Сам».

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

Благожелательное рукопожатие, взаимный обмен визитками. Хозяин кабинета приличия ради изучил визитку гостя, но быстро и не очень внимательно, потому что и без того об этом человеке уже кое-что знал, – успел навести справки за те два дня, что прошли с момента их телефонного разговора. Алтунин Дмитрий Дмитриевич, генеральный директор фирмы «Инвест-Альянс». Шестидесятого года рождения. Образование – высшее; окончил Одесский институт народного хозяйства. Разведён. Есть дочь. Не привлекался. В охранный агентский «Барбакан» обратился по рекомендации человека, которого в «Барбакане» хорошо знали. Последнее обстоятельство оказалось самым значимым из всего, что стало из-

вестно об Алтуanine. Агентство не работало с людьми, пришедшими просто с улицы. Только по рекомендации.

– Честно говоря, Роман Александрович, я никогда не думал, что мне доведется искать телохранителя, – признался Алтунин и улыбнулся, как обычно улыбаются люди, когда разводят руками и говорят: «Ну, надо же, как меня угораздило».

Но внешне он совсем не походил на человека, у которого вдруг возникли проблемы. Хозяин кабинета и бровью не повел, только спросил:

– Будете чай или кофе?

Делал ударение не на слове «будете», а на названиях напитков. Подразумевалось, что какого-то напитка они отведают обязательно, только выбор его – за гостем.

– Чай, – сказал Алтунин.

Роман Александрович попросил секретаршу приготовить им чаю.

– Вы курите?

– Курю, – кивнул Алтунин.

– Вот пепельница, пожалуйста.

– Спасибо.

– А я тоже не очень-то кофе уважаю, – признался хозяин кабинета. – Чай приятнее.

Это все было чепухой, конечно. Обычным трёпом. Прелюдией к настоящему разговору.

– Я недавно по работе летал в Индию, – сказал Роман

Александрович. – И привез оттуда дарджилинг.

– Я тоже уважаю этот сорт.

– Прошу меня простить, но такой дарджилинг вы еще не пили. Тот, что продается у нас, – он не совсем настоящий.

– Смесь?

– Да. Бленд. Настоящий дарджилинг – очень дорог. И его в чистом виде почти не продают. Только смешивают с другими, более дешевыми сортами. Его выращивают в одном-единственном месте в Индии, и первый сбор всегда – это всего-навсего три листика с чайного куста. А все остальное с этого же куста – уже не то. Нет, это тоже называют дарджилингом, конечно, и на пачке с чаем указывают этот сорт, но – не то.

Секретарша принесла чай. Терпкий аромат поплыл по кабинету.

– Он светлый. Видите? Как будто недозаваренный. Но это и есть настоящий дарджилинг! Иногда так замотаешься, что уже ни на что сил, кажется, нет. А чашечку свежезаваренного выпьешь... У вас так бывает?

– В общем, да, – вздохнул Дмитрий Дмитриевич.

– Много работы? – понимающе спросил хозяин кабинета.

– Да. Там – такие завалы...

– Приходится их разгребать, исправляя чужие ошибки?

– Там не ошибки, – поправил Алтунин. – Фирма постепенно стагнировала, медленно умирала. И никому до этого не было дела. Все, впрочем, объяснимо. После кризиса

кому стала нужна торговля ценными бумагами? Смешно. А потом ситуация как-то сама собой стала выправляться. Цены на нефть выросли, фондовый рынок ожил, акции стали подниматься в цене – и нашлись люди, которые опять этим заинтересовались. А чтобы торговать, нужна площадка для сделок. Какой-то инструмент. То есть – фирма. Ее перекупили, менеджеров поменяли, но поскольку фирма работает не «с нуля», все прежние сделки приходится учитывать. А это очень сложно... Всегда проще выстроить новый дом, чем перестраивать старый. Правильно?

– Согласен с вами.

Только это Роман Александрович и сказал. Он больше слушал, давая гостю возможность выговориться. Это необходимо – дать выговориться. Потому что только так можно понять, с чем человек к тебе пришел. Важно не то, что он говорит, а что стоит за его словами.

– Я бы отказался, если бы ситуация была иной, – признался Алтунин. – Году в девяносто пятом специалистам моего профиля было легче. Спрос на профессионалов был колоссальный... Приятно, когда не тебе диктуют условия, а ты их диктуешь; когда сам выбираешь, с кем будешь работать, а от чьего предложения откажешься. Сейчас не то. Кризис, – он развел руками.

Они никак не могли приблизиться к главному.

– Прежние хозяева расстались с фирмой легко?

– С радостью, – кивнул Алтунин. – Они не знали, что с

этим своим «богатством» делать.

– С фирмой?

– Да.

– Значит, их интересы были соблюдены?

– Всех подробностей сделки я не знаю, но слышал, что прежние хозяева получили все, что хотели.

– А клиенты фирмы не выражали недовольства сменой владельца?

– Для них это – несущественно.

– Вы уверены?

– Абсолютно точно.

– Значит, все дело – в конкурентах?

– В смысле? – приподнял бровь Дмитрий Дмитриевич.

– Я все пытаюсь понять, из-за кого у вас проблемы возникли? Из-за конкурентов? Вы кому-то дорогу перешли?

– У меня нет проблем, – округлил глаза Алтунин и даже руку к сердцу приложил. – С чего вы взяли?

– А телохранитель вам зачем понадобился?

– Ах, вы об этом, – с облегчением рассмеялся гость. – Нет-нет, все не так серьезно. Он нужен не мне, а моей дочери. И ей тоже опасности не грозят, я думаю. Это скорее для подстраховки. Для моего родительского спокойствия.

Наконец-то они подбирались к самому главному.

– Она у меня в поездку собралась. Далеко, за Урал. К подруге в гости. В Европу я ее отпускаю без опаски. А туда, за Урал... – посмотрел многозначительно, предлагая разделить

его отцовскую озабоченность. Хозяин кабинета ею явно проникся. Но сам смотрел внимательно, пытаясь вычитать в глазах собеседника что-то недоговоренное. – Ей нужен сопровождающий. Чтобы она была за ним, как за каменной стеной. Этакая нянька, но с пистолетом. Я должен быть уверен, что он ее привезёт обратно живой и невредимой. Сейчас, слава богу, я могу себе позволить нанять охрану для родной дочери.

– Сколько дочери лет?

– Девятнадцать.

– Надолго едет?

– Примерно на неделю.

– А вдруг задержится?

– Нет. У нее – занятия. Она у меня в университете учится.

– Значит, через неделю они вернутся в Москву?

– Да.

Роман Александрович задумался и спросил после паузы:

– Скажите, вам в последнее время кто-нибудь угрожал?

Или, быть может, предъявлял какие-то требования?

– Нет.

– А вашей дочери?

– Нет.

– Почему так подробно вас спрашиваю? Иногда наши клиенты что-то недоговаривают. Скрывают важную информацию. Преуменьшают степень грозящей им опасности. А мы, в силу неполной информированности, действуем

неадекватно. Недооцениваем противника. И потом возникают проблемы, – Хамза посмотрел на гостя выразительно.

– Я сказал вам правду, – ответил на это Алтунин. – Ни мне, ни моей дочери никто не угрожал. И я никаких особенных напастей не ожидаю. Ну, скажите мне, если бы моей дочери грозила опасность, разве я сохранял бы спокойствие или что-нибудь таил от вас?

– Да, вы правы, – согласился хозяин кабинета. – Просто я обязан был вас предупредить.

– Толик, мы навели справки по этому «Инвест-Альянсу». Тихая, беспроблемная фирма... Никаких наездов. Так что вариант с попыткой прикрыться нами исключен, – директор охранного агентства «Барбакан» Роман Александрович Хамза перебрал лежащие перед ним на столе бумаги и продолжил:

– Алтунин перешел в «Инвест-Альянс» с должности руководящей, но был у него не высшего уровня пост, так сказать. Так что и там у него врагов не обнаружилось. Повода мстить ему, как мне кажется, ни у кого нет.

– А охрана ему зачем в таком случае? – спросил Китайгородцев.

– Знаешь, что он мне в разговоре сказал? «Сейчас я могу себе позволить это – приставить к дочери телохранителя».

– А-а, понятно, – протянул Китайгородцев.

Он уже сталкивался с подобным. Это своего рода комплекс, если разобраться. Живет себе человек, зарабатывает деньги – и вдруг в один прекрасный момент обнаруживает, что за эти деньги он уже может себе позволить нечто особенное, чего нет у его знакомых. Навороченный автомобиль. Членский билет лётного клуба. Безделушку от Фаберже. Или – телохранителя. На охрану в определенных кругах тоже есть мода... Когда-то, в далеком детстве, будущий бизнесмен был толст и неуклюж, сверстники называли его «пончиком» и всячески третировали; потом он вырос – а счастья все не было, девушки его не любили и начальство не ценило; так в нем развивались и множились комплексы, пока вдруг однажды он не заработал кучу денег и не нанял себе шкафо-подобных телохранителей... И только тогда жизнь для него заиграла новыми красками! Он стал сильным и очень захотел, чтобы о том знали все вокруг. А можно охранника взять не для себя, а для дочери. Чтобы продемонстрировать отцовскую любовь и заботу, к примеру. Или – свою власть над девушкой, власть опекуна. Да мало ли какая причина может быть?

– Работа по Москве? – спросил Анатолий.

– Нет, на выезде.

– Далеко?

– Далеко, Толик. За Уралом.

Вот тут Китайгородцев насторожился:

– Может быть, он её прячет? Отсылает от себя подальше, да еще приставляет к ней охрану, чтобы ничего не случилось? Так поступают, когда чувствуют близкую опасность...

– Нет, он говорит, что поездка продлится не более недели.

«Неделя – это не срок, – подумал Анатолий. – На неделю не прячутся. С перепугу обычно прячутся надолго. Значит, всё-таки – комплексы?»

– К подружке она едет, Толик. Познакомилась с нею в Австрии, на горнолыжном курорте. У подружки – день рождения. Ну, вот и пригласила. Там у них – настоящий лес, медведи бродят, а по ночам где-то далеко воют голодные волки... В общем, глушь, романтика и волшебные зимние ночи. Алтунинская дочка загорелась, а папа не смог ее отговорить. Итак, составишь ей компанию?

– Приглашающих проверяли?

– Да, навели справки. Приличная семья. Папа подружки – царь и бог в тех краях. Хозяин тамошнего горнообогатительного комбината. Жена – домохозяйка. Есть у них дочь – та самая, к которой вы как раз и поедете. Но еще есть и сын! Вот с сыном – не все чисто.

Китайгородцев посмотрел вопросительно.

– Наркотики, – коротко пояснил Хамза.

– На какой стадии?

– Больших проблем он пока еще не доставляет, но на обследование в Москву его уже привозили.

– Алтунина вы об этом предупредили?

– Естественно. В восторг это, конечно, его не привело, но и беды большой он в этом не видит. Все-таки его дочь едет в гости не к наркоману этому, а к его сестре. А та, судя по отзывам, человек вполне самостоятельный.

– Как обстановка на месте?

– Я запрашивал местных пинкертонов. За весь прошлый год – четыре убийства. Из них три – раскрыты. Хулиганство, кражи – это, конечно, присутствует, но в разумных пределах, как они мне сами сказали. Так что оперативную обстановку я бы охарактеризовал как спокойную. Четвёрочка с минусом.

«Четвёрочка с минусом – это нормально, – хмыкнул про себя Китайгородцев, – при четвёрочке с минусом работать – одно удовольствие».

– И ещё вот что, Толик. Меня Алтунин об этом специально предупредил. Дочка его уже выросла. Ну, ты понимаешь... Невеста уже. Кровь играет. И тут вдруг – ты, весь такой из себя... С бицепсами и с пистолетом. В общем, чтобы она не увидела в тебе своего героя. Очень уж отец о ее целомудрии печется.

– Вы же знаете, я никогда с клиентами...

– Я знаю, Толик, – кивнул Хамза. – Но Алтунин просил специально предупредить. Ты должен его понять. Дочь у него – единственная.

Сейчас дети рано взрослеют.

Она выглядела несколько старше своих девятнадцати. И напрасно, кажется, Алтунин пёкся о ее целомудрии. О жизни эта девочка, похоже, знала несколько больше, чем представлялось ее отцу. Её выдавал взгляд. Испытующий. Оценивающий. Женский. Едва Китайгородцев подошел и поздоровался, она именно таким взглядом выстрелила в него, за одну секунду оценив своего нового знакомого и выставив телохранителю баллы по одной ей известной шкале. С первого захода баллов он набрал не так уж много. Так ему, по крайней мере, показалось.

– Здравствуйте, – сказал Алтунин. – Вы и есть Китайгородцев? А это – Рита. Знакомьтесь.

Девчонка даже не кивнула.

– Пойдемте, – предложил Алтунин. – Поезд уже у платформы.

Он подхватил две сумки. И еще две оставались на припорошенном снегом асфальте. Анатолий, не дожидаясь просьбы о помощи, взял в левую руку одну – ту, что явно была тяжелее. Его собственная висела у него на плече. Рита посмотрела на оставшуюся на асфальте сумку, медленно подняла глаза на Китайгородцева.

– Извините, я не могу ее взять, – сказал Анатолий.

– Ах, да, вы ведь у нас – телохранитель... Правая рука должна быть свободна, да? Мало ли что? – В голосе ее была издёвка, которую она даже не пыталась скрыть.

Взяла сумку и понесла её к поезду, всем своим видом демонстрируя, как ей нелегко. Отец смотрел ей вслед осуждающе. Похоже, они не очень-то ладили друг с другом. Конфликт поколений? Отцы и дети?

– Переходный возраст у нее несколько затянулся, – вполголоса сказал он, будто извиняясь за свою непутевую дочь. – Я все жду, когда же она, наконец, повзрослеет...

Как жалки на вид бывают родители, когда у них не клеится с детьми. Они могут быть большими начальниками и уважаемыми людьми, могут твердой рукой управлять десятками и сотнями подчиненных, но одна-единственная непослушная дочурка способна превратить грозного отца в растерянного неврастеника, неуверенного в себе типа.

Вагон СВ.

– Боится самолетов, – шепнул Алтунин телохранителю.

Это он объяснял, почему Анатолию предстоит провести трое суток в поезде вместо того, чтобы то же самое расстояние за три часа покрыть на самолете.

Проводница проверила билеты. Строгое лицо, губы поджаты. Серьёзная тетка. Китайгородцев любил путешествовать с такими. У них в вагоне, как правило, порядок. Ехать можно спокойно – минимум проблем, легко работать...

– Седьмое и восьмое места, – буркнула проводница. – Кто

провожающий?

– Я, – с готовностью отозвался отец Риты.

– Недолго, хорошо? Через десять минут – отправление.

– Да-да, конечно.

Двухместное купе. Анатолий остался в коридоре, давая возможность отцу побыть с дочерью, но Алтунин в купе надолго не задержался и вышел уже через две минуты. Не получалось у него, похоже, дружбы с дочуркой. С женой – в разводе и с дочерью контакта нет... Расстроился, кажется. Китайгородцев вежливо сделал вид, что не замечает его состояния.

– Присмотрите за ней, пожалуйста, – попросил Алтунин, не глядя в глаза Анатолию.

– Да, разумеется.

– Счастливого пути.

– Спасибо.

Бизнесмен сунул телохранителю ладонь для прощания, небрежно потрепал его по плечу – и вышел из вагона. На платформе он тоже не задержался – ушел, не дожидаясь, пока отправится поезд.

Китайгородцев зашел в купе. Сумки были составлены рядком на полу. Он взял ближайшую, чтобы поставить её наверх, на полку, но был остановлен Ритой.

– Поставьте на место, – сказала она негромко, глядя в окно, за которым уже поплыла прочь платформа Казанского вокзала. – Там есть вещи, которые мне скоро понадобятся.

«С этой девочкой будет трудно», – подумал Анатолий.

Телохранитель Китайгородцев:

«Замок двери – исправен... Язычок страхующего запора – исправен... Окна – без повреждений... Штора окна – исправна... Под обеими полками – стенки рундуков, общие со смежными купе; не повреждены... Все лампы в рабочем состоянии... Заполняемость вагона – процентов пятьдесят... Публика обычная... Во втором купе два мужика уже начали отмечать отъезд из Москвы... Бутылка коньяка, бутылка водки, а они сели уже нетрезвые... Нож у них на столе... Лезвие ножа – сантиметров десять... И хорошая сталь... Дверь купе открылась... Кавказец... Выглянул и спрятался... Вряд ли что-то серьезное... Наверное, просто хочет избежать встречи с транспортной милицией... Какое у него купе? Седьмое... Вообще, за ним тоже придется присмотреть... Кавказцы любят знакомиться с девушками... Проводница...»

– Вы чай будете носить?

– Буду. Примерно через полчаса.

– А вам как лучше – когда много чая заказывают? Или когда поменьше?

– Когда много, – улыбнулась.

– Тогда нам – много. Мы много чаю будем пить. С вами сразу расплатиться?

– Нет, потом.

– Хорошо. Я вас спросить хотел. Транспортная милиция сопровождает состав?

– А что случилось?

– Ничего. Мне нужно знать номер вагона, в котором они едут. Вот мое удостоверение.

Вчиталась, махнула рукой:

– Восьмой вагон.

– Спасибо. На всякий случай – как вас зовут?

– Да пожалста. Зовут Катей.

«Восьмой вагон? Следующий – вагон-ресторан, а дальше – уже восьмой... Рабочий тамбур... Никого... Так, теперь – нерабочий тамбур... Ого, те двое из второго купе уже здесь курят? Чтобы дойти до кондиции, им понадобится минут тридцать или сорок – это самое большое... Потом могут возникнуть проблемы... Нож... Лезвие – десять сантиметров... Нож нам не нужен...»

Прошел во второе купе. Там никого не было, дверь оказалась открыта. Нож лежал на столе. Китайгородцев взял его, вышел в рабочий тамбур, открыл дверь, ведущую в следующий вагон, и выбросил нож на рельсы.

Девчонка, похоже, тяготилась присутствием Китайгородцева. Смотрела в окно с хмурым видом, а там уже и не видно было ничего, только изредка в стылой тьме вспыхивали неяркие огоньки чужих окон и тут же уносились прочь. И лишь когда Анатолий снял пиджак, под которым обнаружилась плечевая кобура с пистолетом, Рита проявила интерес.

– Настоящий? – спросила она.

– Настоящий.

– Как называется? «Кольт»? – Других она и не знала, наверное.

– «ИЖ».

– Как?

– «ИЖ-71». Гражданский вариант милицейского «Макарова».

– Отечественный, что ли?

– Да.

– И он стреляет настоящими патронами?

– Верно.

– И из него можно убить?

– Запросто.

– Ого! – сказала Рита уважительно. – И что – если на меня кто-то нападет, вы будете в него стрелять?

– Никто на вас не нападет...

– Ну, а если, вдруг?! Неужели будете стрелять?!

– Буду.

– А раньше?

– Что?

– Раньше в кого-нибудь приходилось стрелять?

– Ну...

– О! – округлила глаза Рита, и в ее взгляде вдруг проявилось восторженное оцепенение, обычно присущее детям, слушающим страшную, но увлекательную сказку. – И вы его убили?

– Нет.

– Ранили?

– Нет.

– Почему? Не попали?

– Я в воздух стрелял, – мягко сказал Китайгородцев, глядя Рите в глаза лживым взглядом взрослого человека, заведомо говорящего ребёнку неправду.

Тот ведь ещё маленький, и не нужно ему пока знать о неприглядной изнанке жизни...

– И что, человек испугался и убежал?

– Убежал, – кротко кивнул Анатолий.

Не хотел, чтобы она его боялась.

– А давно вы телохранителем работаете?

– Давно.

– Пять лет?

– Больше.

– Десять?

– Меньше.

– Вы, наверное, многих охраняли?

– Многих.

– А кого?

– Много кого.

– И знаменитых – тоже?

– Да.

– Кого? – совсем уже заинтересовалась Рита.

Она хотела услышать громкие фамилии. Все-таки лестно.

В прошлом году этот парень, к примеру, Пугачеву охранял, а теперь вот ее, Риту. Можно будет потом рассказать подружкам в университете.

– Я не могу назвать фамилий, – разочаровал ее Анатолий.

– Почему?

– Нельзя. Мне запрещено.

– Кем? Хозяином?

– Да. В контракте отдельной строкой записано.

– Хорошо, – кивнула Рита, и ее глаза коварно блеснули. –

Раз запрещено – значит, и не называйте. Я сама буду называть, а вы только кивайте, если я угадала. Пугачева? Путин? Чубайс? Курникова? Буре? Женя Кафельников?

Пауза.

– Среди перечисленных есть человек, которого я охранял, – уклончиво ответил Китайгородцев.

– Кто?

– Не могу сказать.

Рита поджала губки. Демонстрировала, что обиделась.

Стук в дверь.

– Кто? – напрягся Анатолий.

– Чаю будете? – послышался голос проводницы.

Телохранитель открыл дверь – но прежде накинул на себя пиджак, пряча под ним кобуру с оружием. В коридоре стояла Катя – в каждой руке по стакану дымящегося чая. Мимо как раз проходил один из обитателей второго купе. Он был сильно нетрезв и столь же сильно озабочен.

– Слышь, хозяйка, – через силу произнес он, обращаясь к проводнице. – Нож у тебя есть? Наш куда-то запропастился...

– Нет у меня ножа, – нахмурилась та. – И вообще, вам пора бы уже закругляться со своим застольем, ребята.

Когда Рита направилась в сторону туалета, Анатолий вышел из купе и стоял в коридоре все время, пока она не вернулась. Девушка, кажется, была раздосадована его обременительной опекой.

– Вы так и будете следить за мной все время? – дерзко спросила она.

– Извините.

– Я не хочу, чтобы вы контролировали каждый мой шаг...

Она уже начала заводиться и, наверное, наговорила бы Китайгородцеву много резких слов, если бы не пьяный пассажир из второго купе. Он как раз шел по коридору. Вдруг наткнулся взглядом на девушку, шумно вздохнул, пьяно и счастливо улыбнулся, развёл руки в стороны, будто хотел Риту обнять, но тут запоздало обнаружил присутствие Анатолия. Несколько долгих секунд у него ушло на то, чтобы сообразить – эта симпатичная девушка и этот широкоплечий парень едут вместе, так что девушку обнимать небезопасно... И пьяный только пробормотал невнятное: «Вот так-то, да», после чего продолжил свой путь мимо посторонившихся Риты и телохранителя. Потом, уже отойдя на несколько шагов, вспомнил что-то и поинтересовался у Анатолия, нет ли у того зажигалки. Тот ответил, что нет.

Эта минутная заминка поубавила у Риты пыла, и в купе она вошла безмолвной.

– Я хотел бы с вами поговорить, – осторожно начал Китайгородцев. – Так получилось, что неделю я проведу рядом с вами. И всё у нас будет хорошо, я просто в этом уверен. Я не вижу, если честно, ничего, что могло бы вам угрожать, и в моем присутствии, вполне возможно, нет никакой необходимости – но ваш папа решил, что охрана – нужна... Заключён договор, и я обязан выполнять свою работу. Да, это – моя работа, только и всего. И я не хочу стеснять вас своим присутствием – я вообще хочу быть как можно незаметнее. Но если в какой-то момент вам покажется, что меня все-таки

слишком много, – пожалуйста, будьте снисходительны. Быть рядом – это одна из особенностей моей профессии. Я не могу быть далеко. Я могу быть только рядом.

Он развел руками, из-за чего сразу же приобрел виноватый вид.

– Хорошо, – смягчилась Рита.

Похоже, она постепенно смирялась с мыслью о том, что этот парень целую неделю будет мозолить ей глаза.

– И ещё, – добавил Китайгородцев. – Будет лучше, если никто из окружающих не станет видеть во мне телохранителя, а в вас – охраняемую. Хотя бы в пути.

– Почему?

– Не надо, чтобы к нам проявляли повышенный интерес.

Он сказал «к нам», хотя правильнее было бы говорить «к вам». Но Рита и так всё поняла, кажется.

Наутро Анатолий через проводницу заказал в ресторане завтрак, и они с Ритой позавтракали, не выходя из купе.

– А что эти ребята из второго? – поинтересовался у Кати Китайгородцев.

– Сняли их ночью.

– Я слышал шум.

– Говорила им – спать ложитесь! Один лёг, а второй тут бродил, не находил себе места. Добродился в итоге. Кавказец

в седьмом купе ехал. Что-то они не поделили, подрались... Вам чаю принести?

– Несите, – кивнул Анатолий.

За обледеневшим стеклом проплывал заснеженный лес.

– А я испугалась ночью, – призналась Рита.

– Не надо бояться, – мягко сказал Китайгородцев. – У нас дверь была закрыта.

– А почему вы не вышли?

– Куда не вышел?

– В коридор, где дрались. У вас ведь есть пистолет?

– Ну и что?

– Могли бы их разнять.

– Не мог.

– Почему?

– Не положено.

– Кем не положено?

– Инструкциями не положено.

– Но почему? Я не понимаю. Там была драка, вы могли бы вмешаться...

– А если всё специально было подстроено? Если они инсценировали драку, чтобы выманить меня в коридор и оставить вас без прикрытия?

У Риты вытянулось лицо.

– Неужели вы думаете, что они это – специально? – спросила недоверчиво. – Затеяли эту драку, чтобы вас выманить?

– Нет, конечно, – спокойно ответил Анатолий. – Вероят-

ность этого крайне мала. Но она была, эта вероятность. Когда я служил в армии, командиры говорили нам, что положения воинских уставов нужно неукоснительно выполнять, потому что они, эти уставы, написаны кровью. Вот и в работе телохранителя – так же. Инструкции, которые нам в головы вдалбливают, прежде чем дать в руки оружие, – они тоже написаны кровью.

– Чьей?

– Ничьей, – поубавил пыл Китайгородцев. – Это я так, для красного словца сказал.

На вокзале их встречала специально присланная за ними машина. Предстояло проехать еще около ста километров по заснеженной зимней дороге. Водитель – весёлый малый в распахнутой, несмотря на двадцатипятиградусный мороз, дублёнке – радостно им сообщил:

– Домчимся быстро!

– Мы не торопимся, – подсказал ему Китайгородцев.

На небе ни облачка. Ослепительно белый снег искрился под яркими лучами полуденного солнца, и на это великолепие больно было смотреть – даже глаза слезились.

Анатолий предусмотрительно распахнул перед Ритой заднюю дверцу машины.

– Я сяду впереди, – дернула плечиком девушка.

Она по-прежнему при каждом удобном случае демонстрировала свою независимость от Китайгородцева. Ему пришлось сесть сзади, хотя он с удовольствием поменялся бы с охраняемой местами.

Машина недолго попетляла по нешироким и плохо расчищенным улицам города, выкатилась за его пределы и, стремительно набрав скорость, помчалась по выстуженной и закатанной до зеркального блеска заснеженной дороге, похожей на тоннель из-за высоких сугробов по обеим сторонам. Над сугробами возвышались деревья подступающего плотную леса.

Водитель гнал машину с холодным спокойствием профессионального гонщика, успевая при этом еще вводить в курс дела встреченных им гостей, но взгляда от дороги он не отрывал:

– Аня просила ее извинить... За то, что не приехала встречать... Подпростыла... Ничего серьезного, но Генрих Эдуардович был против её поездки... А уж он если скажет – всем сразу надо строиться и стоять по стойке «смирно»...

Засмеялся. Хорошее настроение, хорошая машина, хорошая погода, хороший вид вокруг – вообще всё тут у них хорошо.

– Раньше к нам поезд ходил... Сейчас поезда нет... Пассажирского... Автобус... А дорога эта – одна-единственная... Сначала – лес, потом уже – мы, а дальше, за нами, дороги нет – вроде как тупик... А дальше и незачем... Там нет жи-

лья... Лес и болота...

Показалась встречная машина. Приняли чуть правее, разминулись, едва не чиркнув по близкому сугробу правым боком.

– Мы не торопимся, – напомнил водителю сидящий на заднем сиденье Китайгородцев.

– Тут все так ездят, – пожал водитель плечами, но скорость все-таки сбросил – до девяноста километров в час. – Вы в хорошее время приехали... Морозы ослабели...

– Ого! – сказала Рита и непроизвольно поежилась. – Ничего себе – «ослабели»!

– Неделю назад было тридцать пять... Ночью – до пятидесяти... А нам что – мы привыкли...

– Но уши, наверное, опадают? – засмеялась Рита.

– Ага... Только мы всегда носим в кармане запасные, ха-ха-ха...

Дорога вильнула змейкой, и вдруг, за очередным поворотом, их взорам открылась преграда: полосатый шлагбаум, перекрывающий им путь. Рядом, среди сугробов, приютилась покрашенная грязно-зеленой краской бытовка. Из трубы над нею поднимался к небу синий дым.

– Документы у вас близко? – озаботился водитель.

– Будут проверять? – приподнял бровь Анатолий. – Что это у вас тут за блокпост?

– У нас тут строго, – засмеялся водитель. – И муха не пролетит.

Остановились перед шлагбаумом. К машине уже направлялся какой-то парень. Еще двое оставались у бытовки. Одежда на всех троих была не форменная, но единообразная: черные утепленные куртки без каких-либо нашивок, черные штаны, черные вязаные шапочки. И вообще эти трое были чем-то друг на друга похожи: внушительной комплекцией и сумрачно неприветливым выражением на лицах.

Водитель опустил стекло и сказал парню в черном:

– Это – к Тапаеву.

– Хорошо, – кивнул парень. – Документы ваши, пожалуйста.

Он взял в руки паспорта Риты и Китайгородцева. Документы водителя его не интересовали. Склонился к окну, быстро взглянул на девушку, потом столь же быстрым взглядом скользнул по Анатолию.

– Вам придется пройти со мной и отметить в журнале прибытия, – его слова были обращены к приезжим.

– Это гости Тапаева! – напомнил ему водитель.

– Я помню. Но порядок есть порядок.

Едва Китайгородцев вышел из машины, как те двое, что наблюдали за происходящим у бытовки, в мгновение ока оказались рядом. Что-то происходило.

– У вас есть при себе оружие? – спросил тот из троицы, что держал в руке паспорта. Вот теперь Анатолию всё стало ясно – и он поразился тому, как легко этот парень с первого взгляда «вычислил» пистолет и как он профессионально,

ничем не насторожив пассажиров автомобиля, выманил их из салона.

– Я частный охранник, – сказал Китайгородцев. – У меня есть право на ношение оружия.

– В таком случае у вас должно быть и соответствующее удостоверение, верно?

Вместо ответа Анатолий извлек из кармана закатанный в пластик зеленый прямоугольник. Парень забрал документы и скрылся в бытовке. И сразу оттуда вышел милицейский сержант в бронежилете и с автоматом. Остался стоять у двери бытовки, с интересом разглядывая гостя.

Парень вернулся минут через пять. Возвратил документы, сказал:

– Можете ехать.

Милиционер поднял шлагбаум.

– Кто это? – спросил телохранитель, когда их машина уже миновала импровизированный блокпост.

– Тапаев выставил охрану, – ответил водитель. – Вместе с милицией ребята дежурят. Зато спокойно у нас. Хотя даже ночью по улице идешь, а никого не боишься. Навели порядок. Стало даже спокойнее, чем при социализме было.

Телохранитель Китайгородцев:

«Это моя промашка. В салоне машины жарко, вот я и подъехал к шлагбауму в расстёгнутом пиджаке. А тот парень что-то узрел. Мелочи, мелочи, промашки пустячные...

Саша Титаренко два года назад погиб. И сам погиб, и клиента не уберёг. Если разобраться – то именно из-за мелочей. Сопровождал клиента на банкет, а там на входе его тормознули – почему-то Сашу не внесли в список тех, кому разрешён вход. Может, и специально не внесли, сейчас уже правды не узнать. Вот так, из-за отсутствия в списке своей фамилии он всё и проморгал. Пока разбирался с охранниками на входе, отвлёкся – а в пятнадцати метрах от него, прямо в банкетном зале, пара киллеров в два ствола изрешетила его клиента! Когда Саша, растолкав охрану, бросился на звук выстрелов, его свалили первой же пулей. Потом спокойно прошли мимо насмерть перепуганных поваров через кухню ресторана – и сгинули без следа, оставив после себя два трупа. Вот тебе и мелочи...»

Не доезжая до города, они повернули направо, на совсем уж узкую дорогу, зажатую подступающим вплотную к ней лесом. Въехали прямо под запрещающий въезд «кирпич» – и метров через пятьсот дорога уперлась в массивные металлические ворота, в обе стороны от которых убегал и терялся где-то меж деревьев нескончаемый высокий забор. По верху забора тянулись проволочные струны сигнализации. Кто-то невидимый распахнул перед ними ворота; машина проехала вперёд – и тут же остановилась, поскольку дорогу ей пре-

граждал невысокий крепыш в белой дублёнке и белых же валенках. Крепыш стоял по-хозяйски твердо, руки держал за спиной, исподлобья разглядывал вновь прибывших, всматривался сквозь стекло внимательно – но вполне доброжелательно, впрочем. Ветер перебирал его редкие волосы, обрамляющие обширную плешь.

– Приехали, – объявил водитель.

Давал понять, что дальше они не поедут, хотя дорога и вела вперед, к угадывающемуся за деревьями большому дому из красного кирпича.

Телохранитель вышел из машины первым.

– Здравствуйте, – сказал ему крепыш в дубленке. – Я – Богданов Андрей Ильич, начальник службы безопасности.

Протянул руку для приветствия, сжал ладонь Анатолия в своей, поинтересовался, все еще руку не отпуская:

– Это вы – Китайгородцев?

– Да.

– Очень приятно. Как доехали?

– Спасибо, нормально.

– Холодно у нас?

– Мы еще не поняли.

– Вы к нам с оружием пожаловали?

Взгляд – внимательный и требовательный. Наконец он спросил о том, что его по-настоящему волновало. С блокпоста ему уже сообщили о вооруженном госте, и он поспешил навстречу.

– С оружием, – кивнул Анатолий.

– Оружие придется сдать.

У дома тем временем произошло какое-то движение, взревел мотор – и через несколько мгновений мелькнул меж деревьев двухместный снегоход. Он пролетел чёрным неудержимым снарядом по недлинной дороге и остановился как раз напротив вновь прибывших. За рулем сидела тонкая как тростинка девушка в длинном свитере и джинсах.

– Рита! Замерзаю! – визжала она, покрасневшись от восторга встречи. – Садись скорее!

Рита, смеясь, взобралась на снегоход, и черный снаряд умчался, обдав остающихся снежным облаком. Богданов проводил девчонок бесстрастным взглядом и снова обратился к Китайгородцеву.

– Так я насчет оружия, – напомнил он. – У нас тут есть определенный порядок... На время вашего пребывания на вверенной мне территории оружие надо сдать.

Снова примчался снегоход. Как оказалось – за Анатолием.

– Ну, что же вы! – крикнула ему Рита. – Едемте! Нас ждут!

– У меня возникла проблема.

– Какая проблема?

– Оружие...

– Ну, при чем тут оружие? – нахмурилась Алтунина, которой хотелось в дом, в тепло, и совсем не хотелось никаких проблем.

– А что такое? – спросила сидевшая за рулем снегохода

девушка.

– У нашего гостя – оружие, – объяснил Богданов. – Надо сдать.

– Ему нельзя сдавать, – вступилась за Китайгородцева Рита. – Он же мой телохранитель!

Её подружка смотрела на Анатолия с уважением и интересом.

– Ну, ладно вам, Андрей Ильич, – сказала она Богданову с просительной интонацией в голосе.

– Не положено, – буркнул тот.

– Я поговорю с папой.

Богданов думал недолго.

– Я сам поговорю с Генрихом Эдуардовичем. Вы пока поезжайте в дом, – указующий жест девчонкам, – а вы со мной, – это уже Китайгородцеву.

И ему же:

– Вы не волнуйтесь, всё с вашей подопечной будет нормально. У нас тут кругом охрана – и никого посторонних.

А девчонки уже всё равно умчались, и поздно было о чём-либо волноваться – так что Анатолию не оставалось ничего другого, как направиться следом за Богдановым. Тот шел впереди и, постоянно оборачиваясь вполборота, говорил:

– У нас тут – гостевой дом. Вы в нём будете жить. А с оружием вашим я решу. Пока не прояснится, как с вами быть, вы к хозяйскому дому не приближайтесь, пожалуйста. У нас там – охрана, а тут – вы со своим пистолетиком. Нет, я вас

не пугаю, поймите, просто у нас порядок такой. А вы постоянно девочку опекаете?

– Нет. На эту поездку меня наняли.

– Чтоб в дороге ничего с ней не случилось? Понятно. У нас собаки бродят по ночам, обратите внимание. А вы – как частное лицо? Или от агентства?

– От агентства.

– От какого?

– «Барбакан».

– Это в Москве?

– Да, в Москве.

– Учились где-то?

– Курсы специальные заканчивал.

– Телохраниителей?

– Да.

– А в армии служили?

– Служил.

– Какие войска?

– Пехота, – сказал Китайгородцев после краткой, в одно мгновение, паузы.

Богданов хмыкнул, некоторое время шел молча, думая о чём-то своем, потом сказал понимающе:

– Ну, ведь врешь же!

– Вру, – не стал отпираться Анатолий.

– А зачем врешь?

– Не люблю о себе рассказывать.

– Но воинское-то звание у тебя есть?

– Есть.

– Какое?

– Старший лейтенант.

– Запаса?

– Да.

– Опять врешь – что в запасе, мол?

– Нет, не вру.

– Ладно. Считай, что я поверил.

Они вышли к двухэтажному дому, окна первого этажа которого были сплошь забраны решетками. Решетки Китайгородцеву понравились. Прочные. Богданов своим ключом отпер входную дверь.

– Скоро начнут съезжаться гости, – сказал он. – А пока тут пусто. Так что выбирай любую комнату, пока есть такая возможность.

– А две комнаты можно занять?

– Зачем тебе две?

– Одна – для меня, вторая для моей подопечной.

– Ну, в общем, можно. Потом мы вас уплотним, если потребуется.

– Мне нужно осмотреть дом.

– Да-да, – кивнул Богданов. – Это – пожалуйста.

– Вы через часок сможете сюда подойти?

– Зачем?

– Я дом посмотрю, и у меня, может быть, будут замечания.

– Ну, ты шустрый! – покачал головой Богданов. – Не успел в дом войти, а уже замечания готовишь? Ладно, я подойду попозже.

Телохранитель Китайгородцев:

«Замок входной двери – исправен... Решётки на окнах первого этажа – без повреждений, укреплены прочно... Фонарь... Огнетушитель... Освещение коридора – исправно... Где телефон?... Второй этаж... Окно в коридоре... Щеколда... Огнетушитель?... Освещение коридора – и тут исправно... Задвижка двери... Вид из окна... Шторы... Да, и вот еще замок двери. Сквозной... Спросить про ключи... Комнаты – смежные... Дверь из комнаты в комнату... Нормально... Опять шторы... Выход на чердак... Замок... Все-таки вот это окно... А в целом – нормально. После некоторых переделок жить можно... Бывало и похуже...»

Для Андрея Ильича Анатолий заготовил целый список пожеланий и прямо по списку ему перечислил:

– Фонарь у входа – неисправен; нет связи с основным домом, надо бы или телефонный провод пробросить, или поставить двустороннюю радиостанцию; на втором этаже отсутствует огнетушитель; задвижка двери в комнате охраняемой слабовата – заменить; заменить и замок...

– Замок-то тебе чем не нравится? – удивился Богданов.

– Сквозной, – пояснил Китайгородцев. – Через скважину замка возможен поджог. Далее. В двери отсутствует глазок; шторы заменить в обеих комнатах...

– А со шторами что?

– Не очень плотные. В тёмное время суток при включенном в комнате свете снаружи видно все, что происходит внутри. Далее. В коридоре второго этажа окно не запирается на щеколду. Щеколду – тоже поменять. На лестнице, ведущей на второй этаж, ступенька не закреплена. Закрепить. И еще. Надо бы какую-нибудь лестницу – складную или веревочную. Сюда, на второй этаж. На случай пожара и прочих непредвиденных обстоятельств.

– Я понял, – с кротким видом кивнул Богданов, затем аккуратно взял из рук Анатолия бумажный лист с перечнем неотложных дел, смял его – и демонстративно бросил на пол.

– В общем, никого не бойся, – покровительственным тоном посоветовал он. – Всё будет нормально, вот увидишь. Пуганые вы все какие-то там, в Москве. А у нас тут – жизнь спокойная.

Китайгородцев наклонился, поднял с пола бумажный комок, расправил его и снова вручил своему собеседнику.

– Всё-таки попрошу это сделать, – сказал он твёрдо. – Потому что так вот – не годится...

С этими словами он взял двумя пальцами язычок задвижки и без особого труда вывернул её из двери вместе с куцы-

ми шурупами. Потом вздохнул:

– Не работа это, а самая настоящая халтура. Надо исправлять.

Уже под вечер, когда стало темнеть, пришел с бутылкой водки Богданов.

– Для знакомства, – пояснил он. – Посидим вечерок, выпьем. С подопечной твоей всё нормально, кстати. Чаёвничают с дочкой хозяина, всё никак наговориться не могут. Обещала часам к девяти вернуться. Да ты не дрейфь! У нас тут – охрана по усиленному варианту. Сигнализация всюду, телекамеры. Денег в это дело вколотили немеряно. Из самого Красноярска специалистов привозили, они с этой техникой месяц возились, прежде чем всё отладили. Ну, и охрана, ясное дело. Мы им ружья закупили... В прошлую зиму к нам из леса вышел шатун двухметровый...

– Медведь?

– Ну. Так парень наш, из охраны, жахнул по нему из своего ружья, свалил с первого выстрела наповал. А уж если человеку в голову попадет – оторвет башку к чёртовой матери.

– А что – приходилось уже по людям стрелять?

– Не-е, – засмеялся расслабленно Богданов. – Тихо тут у нас. Тихо и спокойно.

– Тихо – а из дома крепость сделали, – уловил несоответ-

ствие Китайгородцев.

– Это на всякий случай. Чтоб недоумков разных в искушение не вводить. У нас же тут не дом престарелых и не пионерский лагерь. У нас тут резиденция самого богатого человека в крае, – Андрей Ильич поднял указательный палец, подчеркивая значимость то ли охраняемого им лица, то ли произнесённых им слов. – У тебя из закуски, кстати, есть что-нибудь?

– Сухпаёк. Вермишель быстрого приготовления, тушенка.

– Нет, не годится, – улыбнулся Богданов. – Ладно, я сейчас распоряжусь.

Извлек из кармана своей дубленки переносную радиостанцию с короткой обрешиненной антенной и заказал кому-то невидимому съестное.

Уже через несколько минут парень в чёрном, очень похожий на тех ребят, которых Китайгородцев видел днем у шлагбаума, принес горячий ужин.

– Я спросить хотел, – сказал Анатолий, когда парень ушел. – В таких же точно куртках я видел ребят километрах в десяти отсюда...

– Наши, – подтвердил Андрей Ильич. – Закрыли мы город. По личному распоряжению Тапаева. Чтоб – никого посторонних и чтоб криминогенную обстановку разрядить. Для спокойствия горожан, в общем, и работников нашего комбината – что, как понимаешь, одно и то же.

– А власти как же?

– Какие власти?

– Городские.

– Вот ты чудака-человек, – присвистнул собеседник. – Как власти могут быть против, если Тапаев распорядился? Вот здесь город, да? На весь город – одно только наше предприятие, горнообогатительный комбинат. Хозяин комбината – Тапаев. Так кто же здесь кормилец и поилец? Да и мэру спокойнее, когда город закрыт. Преступность – мизерная, люди – довольны...

– А когда Тапаев город закрыл?

– В прошлом году.

– Был повод?

– Нет, – отмахнулся Богданов. – Нормально всё. Не дрейфь. Неси стаканы.

– У меня – кружка.

– Дело твое. Можешь хоть из ладошки пить. Кто ж тебе запретит?

Богданов налил водку: себе – в стакан, Китайгородцеву – в кружку.

– Ну, за встречу! – провозгласил тост.

«Стакан опорожнил одним махом. Дело явно привычное», – подумал Анатолий.

– Я с Генрихом Эдуардовичем на твой счёт переговорил, – сказал Андрей Ильич, сочно хрустя соленым огурчиком. – Не нравишься ты ему со своим пистолетиком, так что всю неделю тут и проведёшь, на высылках, – засмеялся, а глаза-то

не смеялись. – В хозяйский дом тебе дорога заказана, в общем. Не обижайся.

– Я не обижаюсь.

– Это ты молодец. Наше дело подневольное. Охрана – как собаки. Когда нужны, держат рядом. А коли ты им без надобности, гонят прочь, – Богданов сказал это без печали.

Анатолий подлил водки своему собеседнику. Себе – совсем немного.

– За работу спасибо, – вспомнил Китайгородцев. – Ваши тут всё, о чем я просил, за два часа исправили.

Богданов в ответ только махнул рукой. По нему было видно, что, хотя он просьбу гостя уважил, считает всю эту суету бессмысленной. Не было тут дверных глазков с самого момента постройки дома – и дальше без них запросто обходились бы. Не горит фонарь у входа – так и нечего по ночам тут шастать, только охранников пугать...

– Давай за нашу работу! – предложил тост Андрей Ильич. – Чтоб она была поспокойнее да поприятнее. Хотя...

Вздыхнул, выпил, закусил, только потом продолжил свою мысль:

– Скоро беспокойные деньки начнутся. Гости съедутся.

– Тапаевские?

– Ага. Полтинник нашему Генриху Эдуардовичу. А его Анютке – двадцать. Ты представляешь? Сплошные круглые даты.

– Да, праздник не рядовой, – признал Анатолий. – Гостей

много будет?

– Немного. Человек пять-семь. Только самые близкие родственники.

Китайгородцев посмотрел на собеседника долгим внимательным взглядом. Тот на взгляд внимания как-то не обратил.

– Людей мало, а суеты все равно будет много, – вздохнул Богданов. – Не привык я – чтоб мельтешение. Привык, чтоб по-тихому. Без суеты и спешки.

– Тут мало кто появляется? – полувопросительно-полуутвердительно произнес Анатолий.

– Ага. Не любим мы тут чужих. Одно беспокойство от них только.

Телохранитель подлил еще водки Андрею Ильичу.

– А как вообще обстановка вокруг Тапаева? – спросил он, придавая голосу выражение деловитой будничности.

– Нормальная обстановка... Ну, давай за тебя? – предложил Богданов и выпил. Начальник службы безопасности уже выглядел захмелевшим.

– Угроз не было? – прямо спросил Китайгородцев.

Богданов поперхнулся огурцом.

– К-каких угроз? – посмотрел внимательно.

– Я про Тапаева спрашиваю.

– Нет. Не было.

«Кажется, коснулись неприятной темы», – подумал Китайгородцев и продолжил:

– Тут такое дело... У меня всё-таки эта девчонка под при-
смотром. Я за нее отвечаю. И мне надо быть в курсе того, что
вокруг происходит. Я оперативную обстановку должен знать
как свои пять пальцев.

– Значит, так! – с хмурым видом произнес его собеседник
и склонился вперед, упершись грудью в столешницу. – Опе-
ративная обстановка спокойная, потому что находится под
постоянным контролем Богданова Андрея Ильича!

Он стукнул кулаком по столешнице. Звякнули в тарелках
вилки.

– И если кто-то попытается... Ну, хотя бы только замыс-
лит... Мы того порвём на куски к едрёной фене!

Он слишком сильно подался вперед и потому вдруг уви-
дел содержимое эмалированной кружки Китайгородцева.

– Ты что же это! – опешил Богданов, неприятно удивлён-
ный нечаянно сделанным им открытием. – Ты не пил, что
ли?

– Я на работе не пью, – развел руками Анатолий. – Вы уж
извините.

– Брат у нее – ужасный, – сказала Рита. – Просто мерзкий
тип.

Она только пять минут назад пришла от подружки и си-
дела сейчас в кресле перед своим телохранителем: поза рас-

слабленная, глаза блестят, щеки пунцовые. Анатолий понял, что там, в хозяйском особняке, девчонки баловались не одним только чаем...

– А что такое с братом? – спросил Китайгородцев, обозначая лишь дежурный и неискренний интерес к ее словам.

На самом деле братец Анютки его интересовал по-настоящему. В тех бумагах, которые ему еще в Москве дал почитать Хамза, Роман Тапаев характеризовался как наркоман.

– Наглец, – кратко описала родственника своей подруги Рита. – Вошел к нам в комнату, сел напротив меня, ноги положил на журнальный столик. Мне показалось, что он был пьян.

– Почему?

– Не знаю, – она пожала плечами.

«Наркотическое опьянение? Вполне возможно. Просто ей никогда прежде не доводилось встречаться с подобным, и она не обратила внимание на симптомы – только на общее состояние...»

– Мы ушли, – сказала Рита. – А он даже не шелохнулся. Наверное, заснул.

– Что говорит Аня?

– О чём?

– Не о «чём», а о «ком»... О своем брате она что говорит?

– Ничего. Кажется, собственный братец – это неприятная тема для нее.

– В доме много людей?

- Нет. Там вообще пустынно. Даже не по себе немного. Дом большой, а никого нет. Я видела только двоих парней.
- Охрана?
- Наверное.
- А как вам Анин папа?
- Никак.
- То есть? – вопросительно приподнял бровь Китайгородцев.
- Я не видела его.
- Но он был в доме?
- Я так поняла, что – да. Но за весь день не появился ни разу.

Ночью за окном залаяли собаки. Анатолий, не зажигая света, приблизился к окну. И увидел, что к дому подъехал легковой автомобиль. Свет фар упирался в ослепительно белые сугробы. Первым из машины вышел Богданов. Китайгородцев узнал его по светлой дубленке и неловкой походке человека, всей остальной обуви предпочитающего валенки. Потом из машины вышла женщина. И еще один мужчина – тот, который вел машину. Из багажника достали сумки. Теплохранитель понял, что гости Тапаева начали прибывать... Вошли в дом. Неясный шум, приглушенные голоса. И только через полчаса всё стихло. В окно Анатолий видел, как ухо-

дил из дома Андрей Ильич. Скрипел снег. Полная луна заливала всё вокруг неживым, призрачным светом. Залаяли, но вскоре смолкли собаки. И снова наступила тишина.

...Утром Китайгородцев столкнулся со вновь прибывшими в коридоре первого этажа. Мужчина и женщина. Похоже, что супруги. Вежливо с ними поздоровался. Они ответили ему – но скованно, как будто пребывали в напряжении. Или он лично был им несимпатичен. Его это удивило – но вида не подал.

Рита ушла к подруге. Приблизительно через час появился Богданов. Увидел Анатолия, хмыкнул, поинтересовался:

– Как служба?

– Нормально.

– Ну, давай, бди, – напутствовал его Андрей Ильич.

Прибывшая ночью женщина ушла с ним. Мужчина остался. Вышел к своей машине, поднял капот и стал возиться над ним, не обращая внимания на мороз. Номера у машины были не местные, как отметил про себя Китайгородцев.

Парень из охраны принес завтрак: для Анатолия и для того мужчины, который приехал на машине. Пока парень выставлял на стол завтрак, телохранитель успел кое о чем его расспросить.

– Ты из охраны?

– Да.

– Слушай, собаки спать мешают.

– Мы привыкли.

- Давно вы собак держите?
- С прошлого года.
- А раньше без них обходились?
- Да.
- Что такого случилось, что пришлось их завести?
- Нашего одного убили.
- Кого?
- Охранника.
- Кто?
- Я не знаю. Не нашли.
- Здесь убили? На территории?
- Да.
- В прошлом году?
- Да.
- Понятно.

Когда парень ушел, Китайгородцев неспешно позавтракал, думая о своём. Из состояния задумчивости его вывел шум – это пришли девочки. Он слышал их голоса и голос того мужчины, что оставался в доме. По некоторым репликам догадался: мужчина – родственник Тапаева. Ехали ночью... Города еще не видели... А хотелось бы посмотреть... Не покажет ли Аня? Ехать можно прямо сейчас – вот она, машина... И Риту возьмем, конечно!

Пришлось выйти на сцену и Анатолию. В город Риту без сопровождения он бы не отпустил.

- Мы едем, – сказала она ему.

Подразумевалось, что Китайгородцев должен их сопровождать. В голосе Риты улавливались хозяйские интонации – у нее же есть свой телохранитель! Кажется, это возвышало её в собственных глазах.

Через пять минут они выехали. У въездных ворот не было никого, но они открылись автоматически. Глазок телекамеры проследил за тем, как они покинули территорию тапаевского поместья, и ворота закрылись.

– Тетя Люда похудела, – вздохнула Аня.

– Да уж, здоровья у нее не прибавляется, – произнёс её родственник с неожиданной для Анатолия желчью в голосе.

Аня отчего-то смутилась, посмотрела на дорогу и сказала тихим голосом:

– На перекрестке – направо.

Некоторое время ехали молча.

– Кто еще будет? – спросил в полной тишине Анин родственник.

– Дядя Юра...

– Брат?

– Да. Потом еще Скворцова...

– Ну-ну, – сказал мужчина.

Очень неодобрительно, как показалось Китайгородцеву.

– С сыном? – помолчав, спросил родственник.

– Вряд ли, – покачала головой Аня.

– Вот и я думаю, что вряд ли. Хорошо она твоего папку за жабры взяла...

Аня снова смутилась. Разговор был ей явно неприятен.

– Что тут у вас интересного можно посмотреть? – сжалился над ней родственник.

– Центр. Площадь. Потом еще – парк. Там ледяные фигуры. Можем в музей местный...

– Не нужен нам музей, – оборвал ее мужчина. – Там – пыльные чучела и по всем стенам лапти развешаны. Знаю я эти ваши музеи. Ни уму ни сердцу.

– И ещё Виталий Степанович приедет, – вдруг сказала Аня. – Из Москвы.

– Это какой Виталий Степанович?

– Врач, который Романа лечил.

– Романа-наркомана, – едва ли не песней пропел жестоко-сердечный Анин родственник.

И в следующую секунду их автомобиль с хрустом сминаемого бампера въехал в так не-кстати резко затормозивший прямо перед ними дряхлый «Москвич».

Телохранитель Китайгородцев:

«Москвич»... 2140... Номерной знак «Н 573 КР»... Цвет – бежевый... Заднее правое крыло – перекрашено... Четверо... Мужчины. По 22–25 лет... Стоп! Крыло – перекрашено?! Подставили?! Бригадой работают? Вышли из машины все одновременно... В руках – ничего... А у нас – иногородние номера... Да, специально подставили свою рухлядь! Трое захо-

дят со стороны водителя... Там будет прессинг... Один – здесь... Этот – для подстраховки... Ничего, нормально... Город маленький, люди бедные... Много не потребуют...»

– У вас есть деньги? – обратился Анатолий к водителю.

– Что?

– Да не волнуйтесь вы... Всё нормально. Деньги есть у вас? Дайте им сколько попросят, и пускай едут.

– Они же специально! Специально подставили машину! Вы разве не видите?! Ничего я им не дам! Это же рэкет! Да я на них милицию!..

«Так! Открыли дверцу со стороны водителя... Только с ним будут разбираться? Только с водителем... Надо от- дать деньги... Закончить этот балаган и увозить Риту...»

– Ну, ты чё, мужик, какая милиция? Ты нам машину разбил! Посмотри, как задницу раскурочил! Ты чё, платить не хочешь?

– А это что за девки? Ванюха, гля, девки какие!

«Ага... Тянет ручку задней двери... Там – Рита... Пора... Предохранитель... Из кобуры... Дверцу – ногой...»

– Ложись! Поубиваю! – заорал Анатолий.

«Замешкались... Выстрел в воздух... Теперь ствол – в лоб ближайшему... Упал с перепугу... И все остальные – сразу же, как по команде...»

– Лежать! Не шевелиться! Стреляю без предупреждения! Ноги шире! Шире, я сказал! Руки – за голову!

«Дверца... Ох и рухлядь... Отвалится скоро... Ключ – в замке зажигания... Ключ – в бензобак... Бросить в бензобак... У «Москвича» горловина бака – за номерным знаком... Крышка горловины... Открыто... Ключ – в бензобак... Не скоро они теперь отсюда уедут... Если только провода напрямую... Но мы уже будем далеко...»

– Считать до ста, пацаны! Потом можно подняться!

«Так! В машину... Рита – бледна, но все нормально... Пистолет пока в руке... Предохранитель...»

– Поехали! И чем быстрее, тем лучше!

– Куда? – Водитель бледный.

– Домой! Теперь только домой!

Богданов пришел сразу, едва только прослышал о случив-

шемся. Вошел в комнату к Китайгородцеву, сказал со смешком:

– Ну, рассказывай, как ты наших рэкетиров недоделанных уму-разуму учил.

– Шалят на дорогах, да?

– Шалят, – засмеялся Андрей Ильич. Словечко это ему явно понравилось.

Это у вас там, в Москве, мол, кровь настоящая и звериная жестокость, а у нас тут – так, шалости одни, все по-детски... Вот и рэкетеры у нас какие-то недоделанные...

– Дурью маются, понимаешь. Как увидят на дороге машину с чужими номерами, так тут же под неё свою подставляют, чтобы деньги на ремонт требовать. Ремонтируют-то потом сами, а деньги пропивают. Такой вот нехитрый бизнес.

– Я там стрелял, – напомнил Анатолий. – Теперь мне положено об инциденте в органы сообщить.

– Я позвоню им, – махнул рукой Богданов. – Ты не волнуйся. И вообще не надо шума. Ну, было, ну, случилось. Пацаны те тихо будут сидеть. Так что можешь забыть про эту историю. Нам всё это ни к чему. У нас тут – тихо. У нас – без стрельбы.

– А я вот о чем спросить хотел, – вспомнилось кстати Китайгородцеву. – Что тут у вас за история была в прошлом году?

– Что у нас за история была в прошлом году? – переспросил Андрей Ильич, а у самого веселье стремительно таяло

во взгляде.

– Охранник погиб.

– Когда?

– В прошлом году, – терпеливо напомнил Анатолий.

– Та-а-ак, – протянул Богданов. – И кто же это тебе рассказал?

– Ну, какая разница?

Андрей Ильич ответил ему красноречивым хмурым взглядом.

– Тебе-то это зачем? – спросил он после паузы.

– Интересно.

– Погиб – и погиб.

– Мне сказали, что здесь, на территории.

– На территории.

– При каких обстоятельствах?

– Ты что – следователь?

– При каких обстоятельствах? – повторил Анатолий.

– Застрелили его.

– Кто?

– Если бы я знал!

– Застрелили днём? Ночью?

– Ночью.

– В ту ночь Тапаев был в своем особняке?

– Да.

– Могло быть так, что убийца шел к Тапаеву, но случайно наткнулся на охранника?

– Откуда я знаю?! – сказал с нескрываемой досадой Богданов. – Откуда я знаю, если убийцу не нашли?!

Хамза в Москве показывал Китайгородцеву справку о здешней криминогенной обстановке. За весь прошлый год в этих краях совершено лишь четыре убийства. Три – раскрыты. Одно – нет. Вот оно как раз – нераскрытое. Тапаевский охранник.

Анатолий скучал в одиночестве, как вдруг дверь открылась нараспашку – на пороге стояли Рита с Аней. Аня смущалась, а Рита была смешлива и в руке держала коробку. Торт? Ему?

– В знак благодарности, – сообщила Рита, – за чудесное избавление от злодеев. Вы же – наш благородный спаситель. Теперь вот мы пришли знакомиться.

«Будет представлять подружке своего телохранителя, – подумал Анатолий. – Сама Аня, возможно, и придумала это чаепитие с тортом. У её отца тоже есть охранники, но они – из местных, их Аня знает едва ли не с самого детства, прожила с ними бок о бок много лет, ещё и в школу вместе ходили, быть может... А тут настоящий телохранитель, безмолвная тень Риты! Когда понадобилось, в одну секунду четверых местных крутых пацанов уложил на снег...»

– Чай у тебя есть? – спросила у Китайгородцева Рита. –

Кипяток – на первом этаже.

«В присутствии подружки бестрепетно перешла на «ты». Окончательно освоилась с ролью хозяйки?»

Но Анатолию было не привыкать. Клиентов он перевидел множество. Экземпляры попадались самые разные. Рита – это ещё очень даже ничего. Немного избалована папиными деньгами... А в целом, кажется, неплохая девчонка. Не выросла еще, не сформировалась. И даже в её стремлении повелевать угадывается что-то детское. Как в игрушки играет.

Он принёс кипяток. Закрытая коробка с тортом покоилась на столе. Девчонки сидели на диванчике, терпеливо ожидая, пока Анатолий все устроит наилучшим образом. И это Китайгородцеву тоже было знакомо. Что-то происходит с людьми очень скоро после того, как у них появляются первые по-настоящему большие деньги, а с теми деньгами – возможность пользоваться услугами личных водителей, домработниц, официантов и продавцов из дорогих бутиков. Как будто люди утрачивают некоторые элементарные навыки, которыми они владели прежде, и теперь уже не могут самостоятельно распахнуть дверцу автомобиля, поджарить для себя утром яичницу, своей рукой зажечь свечи на праздничном столе или повесить аккуратно на плечики пиджак, который только что примеряли в магазине. Люди охотно переключаются на других эти мелкие заботы, отстраняясь тем самым, возводя невидимую преграду между собой и всеми остальными.

Только когда чай был заварен и разлит по чашкам, а торт порезан на куски, девчонки подсели к столу.

– Вы сегодня – героиня дня, – сказала Аня. – А я испугалась, если честно, когда эти неприятности начались.

– Ну, что ты? – закатила глаза Рита. – С нами же был телохранитель!

Ёрничала и подзуживала Китайгородцева.

– Только я одного не пойму, – призналась Рита. – Ты пригрелся там в машине, что ли? Не сразу проснулся? Почему сразу не вышел?

– Для чего?

– Чтобы нас защитить.

– Моя защита не требовалась.

– Как это не требовалась? – возмутилась Рита. – Бедного водителя так запугали...

– Лично вам защита не требовалась.

Повисла пауза. Девчонки переглянулись.

– Ну, хорошо, допустим, – недоверчиво протянула Рита. – Ты охранял меня. Да?

– Да.

– А на водителя тебе, получается, было наплевать?

– Я бы вступился за него, если бы началось что-то серьезное. Но только – если серьезное. У меня есть охраняемое лицо, и меня более всего волнует ваша личная безопасность, а не безопасность тех, кто волею случая временно оказался рядом с вами. Пока вы лично не втянуты в конфликт, я тоже

в этом не участвую. Моя задача – не пистолетом всех вокруг пугать, а не допустить того, чтобы вы пострадали.

– Циничная философия, – оценила Рита. – Ты не находишь?

Вопрос был обращен к подруге.

– Всё логично, – пожала плечами та.

Признавала правоту Китайгородцева, хотя в глубине души, наверное, хотела, чтобы он и её защищал тоже. Анатолий испытал некоторую неловкость и сказал, будто извиняясь:

– Наверное, да, это – цинично. Но эмоции тут противопоказаны. У нас несколько лет назад был такой случай. Наш охранник сопровождал клиента в его загородный дом. На шоссе они увидели аварию: автомобиль, перевернутая детская коляска, обезумевшая молодая женщина мечется по шоссе. Дорожная авария по пути следования охраняемого лица – это самый расхожий пример из наших учебников. Останавливаться нельзя, даже если тебе показалось, что лежащая на дороге сбитая женщина – твоя родная мать. Типичная ловушка. Но тут – коляска, женщина в шоке, водитель другой машины стоит над сбитой им коляской на коленях... Клиент приказал остановиться. В результате его расстреляли в упор.

Через некоторое время Аня вызвала охранника, и тот при-

нес бутылку вина. Ей тут явно нравилось, и Китайгородцев подозревал, что сегодняшнее чаепитие завершится очень не скоро.

– А пистолет у вас настоящий? – спросила Аня.

– Да.

– Можно посмотреть?

Анатолий никогда никому постороннему не давал в руки свое оружие. Но не хотелось разрушать хрупкую атмосферу беззаботности, витавшую над их столом. Извлек пистолет из кобуры, вытащил обойму с патронами, протянул пистолет Ане – но оружие вдруг перехватила Рита. По-киношному ухватила за рукоять пистолета обеими руками, прицелилась в угол комнаты, где стояла никогда, похоже, не видевшая цветов ваза, и «выстрелила»:

– Бах!

– У моего папы тоже есть пистолет, – сказала Аня.

– Газовый?

– Почему газовый? Настоящий.

– Зачем ему настоящий? – удивилась Рита.

Китайгородцев тоже хотел бы знать ответ на тот вопрос.

– На всякий случай.

– Боится, да? Богатые тоже плачут? – хихикнула Рита, у которой, похоже, было слишком хорошее настроение для того, чтобы о чём-то говорить серьезно. – Спит, небось, с ним в обнимку?

– Почти, – не приняла шутки Аня. – Он все время носит

его с собой.

– Ему угрожает опасность? – с показным равнодушием в голосе осведомился Анатолий.

– Он не говорит.

– А сами вы как думаете?

– Всё возможно.

– У вашего папы есть враги, Аня?

– Мы никогда не говорим с ним на такие темы.

– И вы никогда не слышали про угрозы в его адрес?

– Нет, никогда. Но жизнь сейчас беспокойная. И он тревожится, я чувствую.

– Он прячется ото всех, – произнесла Рита, и в ее голосе Китайгородцев что-то уловил. То ли насмешку, то ли осуждение.

– Он занят работой, – вступилась за отца Аня.

– Да, но за два дня, что я здесь, он ни разу к нам не вышел. Я даже не знаю, как он выглядит.

– Он действительно очень занят, – сказала Аня. Кажется, она испытывала неловкость за своего отца, хотя его и защищала.

Анатолий спрятал пистолет в кобуру.

– Они заняты! – всплеснула руками Рита. – Они все очень заняты!

Похоже, осуждала не только Аниного отца, но и своего собственного... Да, их родители могли обеспечить своим детям всё, что угодно, за исключением разве что личного об-

щения. Они покупали дочерям билеты на заграничный лыжный курорт, полностью их экипировали, снабжали деньгами и еще совали при прощании в карман пластиковые кредитные карты – так, на всякий случай, чтоб дочурки ни в чем себе не отказывали... И там, на курорте, эти «два одиночества» встречались, и им было, действительно, так одиноко в этой жизни, что даже по возвращении домой они мечтали о скорой встрече – и встречались, хотя для этого надо было долго трястись в поезде.

– Пусть еще принесут вина, – попросила Рита.

Аня не возражала. Через две минуты все тот же охранник принес бутылку, поставил ее на стол – и удалился.

– А помнишь, как мы на курорте пили грог? – спросила у подружки Рита.

– Да. В первый же вечер.

– Я тогда накаталась... «Накаталась», ага... Нападалась! Впервые на лыжи встала. Там инструктор был еще такой... Бестолковый... Вечером пришла в бар. Скучища! Я – одна... Никогда больше не буду ездить за границу одна! Хорошо, что ты в баре оказалась в тот вечер...

– Да, когда ты ко мне подошла...

– А помнишь того очкарика-немца, который к нам подсел?

Обе засмеялись, одновременно вспомнив.

– Он нас грог учил пить, – смеясь, пояснила Китайгородцеву Рита. – А мы его – русскую водку. Ну, и как ты дума-

ешь, кто из нас троих в конце концов якобы по старинному русскому обычаю лезгинку танцевал?

– Немец, – сказал прозорливый Анатолий.

Раздался общий смех.

– Ага, но он лезгинку на столе танцевал, – добавила Рита. – Бармен, видя это, вообще был в предобморочном состоянии.

Уже за полночь, когда Аня засобиравалась к себе, пошел снег. Крупные хлопья сыпались с неба в полной тишине. Единственный фонарь у входа освещал разбитую накануне машину Аниного родственника. Снег уже присыпал место повреждения, и смотрелась машина очень даже ничего.

– Как нелепо всё получилось, – вздохнула Аня, печалась о случившемся происшествии. – Завтра Андрей Ильич обещал всё исправить.

– Он разбирается в машинах? – заинтересовался Анатолий.

– В машинах разбирается автомеханик. У нас тут гараж, – махнула рукой куда-то за деревья. – Андрей Ильич сказал, что за день всё поправят.

Неширокая дорожка, ведущая к хозяйскому особняку, была очищена от снега, – но завтра тому, кто счищает снег, придется снова тут поработать.

– Где тут у вас охрана? – спросил у Ани Китайгородцев. –

Богданов просил меня не подходить к дому слишком близко.

– Здесь никого нет. Только в доме.

Они действительно дошли до порога, никого не встретив.

– Спокойной ночи, – сказала Аня.

– Спокойной ночи.

Девочки расцеловались, и Аня ушла.

– Я тоже не люблю своего отца, – сказала неожиданно Рита.

Анатолий промолчал.

– Вот тебе он заплатил деньги. Ну, не тебе лично, ладно, твоей фирме, этому, как его... Как твоя фирма называется?

– «Барбакан».

– Что за слово такое мудреное?

– Мой шеф долго работал в Польше. У поляков барбакан – это такое укрепление, прикрывающее вход в крепостные ворота. Что-то вроде башни.

– Вот, мой отец заплатил деньги и нанял тебя. И точно так же он и меня нанимает. Тебя – как телохранителя, меня – как дочь.

– Я не понял, – признался Китайгородцев.

– Что тут непонятного? Он оплачивает все мои капризы, а я за это должна быть пай-девочкой, хорошей дочерью. Он мою любовь хочет купить за деньги.

– Но не получается?

– А ты мог бы к кому-то хорошо относиться за деньги?

– Я не знаю.

– А я знаю, – отрезала Рита.

Ночь, тишина, падает призрачный снег... Выпито вино, и так саму себя жалко – прямо до слез.

Китайгородцев уловил состояние души своей спутницы и молчал, зная, что ничем он ей помочь не сможет. Да и не нужна ей ничья помощь. Бывают моменты, когда человек чувствует себя одиноким, даже если вокруг него множество людей, готовых ему помочь.

Утром, пока Рита спала, телохранитель решил прогуляться. Вышел из дома. Всё вокруг было завалено снегом: деревья, дорожки, разбитый накануне автомобиль... Анин родственник как раз освобождал свое авто от снега.

– Полюбуйтесь, – сказал он хмуро, – что эти подонки натворили!

Повреждения были незначительны, но хозяйское сердце явно обливалось кровью.

– Это поправимо, – ободряюще произнес Китайгородцев.

– Я сейчас в гараж. Не хотите со мною прокатиться?

– Это далеко?

– Сразу за главным домом.

– С удовольствием.

Сели, поехали.

– А я думал, что вы – из тапаевской охраны, – вдруг сказал Анин родственник.

И это так прозвучало, будто он раньше об Анатолии плохо думал, а теперь вот глаза у него раскрылись, и он даже готов извинения принести... Уловив такие интонации, Китайгородцев немало удивился сделанному им открытию.

– И – что? – спросил он осторожно.

– Ну, решил, что вы – его человек.

– Это не очень хорошо, по-вашему?

– Не люблю я его просто.

– Кого?

– Родственничка своего.

– За что? – Анатолий попытался смехом все обратить в шутку.

– Сволочь потому что, – мрачно произнес его собеседник.

«А он действительно держится как-то особняком, этот мужик, – подумал Китайгородцев. – Все время торчит в гостевом доме. К Тапаеву и не рвётся. Или Тапаев его сам видеть не хочет»?

– Он на деньгах сидит, – продолжил мужчина. – И в конце концов этими своими деньгами подавится. Вот вы из Москвы, я слышал?

– Из Москвы.

– Там у вас, может быть, так и положено, чтоб забор в три метра, собаки злющие и проволока под током...

Кивнул на забор, мимо которого они как раз сейчас и еха-

ли.

– Это сигнализация, – поправил собеседника Китайгородцев.

– Вот именно, что сигнализация! – совсем озлобился водитель. – Крепость соорудил! Трясётся! Родственников принимает только по списку!

«Значит, это сам Тапаев его видеть не желает», – решил Анатолий.

– А тут такого не любят. Все равно ему тут не жить. Средства не принимает. Так что он только думает, что ненадолго уедет...

– Тапаев собрался уезжать?

– Ну!

– Куда?

– За границу! – недобро засмеялся мужчина. – Для поправки, наверное, здоровья!

– А когда?

– Сразу после юбилея. Водочки попьёт, чемоданы соберёт, и – ноги уносить. Вот любовницу свою еще прихватит... Вы его любовницу знаете?

– Нет.

– Скоро должна приехать. Она единственная этого дурака не боится и делает с ним что хочет. Сына отцу не показывать пятнадцать лет – это круто? Круто! – произнес торжествующе-зло.

– Какого сына?

– Тапаевского сына. У него ведь ещё один сын есть. От любовницы этой. А вы разве не в курсе?

Автомеханик, работавший в гараже Тапаева, оказался неулыбчивым щуплым парнем, больше похожим на подростка. Несмотря на ранний час, он уже был облачен в спецовку, а его руки – перепачканы машинным маслом.

– Вот что они тут натворили, – сообщил ему тапаевский родственник. – Полюбуйтесь! И еще деньги хотели стребовать!

Его причитания не произвели на механика ни малейшего впечатления. Парнишка вытер руки ветошью, осмотрел пострадавший автомобиль – и все так же молча скрылся в недрах огромного гаража, в котором стояли три легковые машины. Четвертую выкатили наружу сегодня утром, на свежем снегу остались следы. Тапаевская машина. «Пяти-сотый» «Мерседес». Стоит, сверкает, чуть припорошен пылью... В районе замка дверцы водителя лакированная поверхность обезображена царапинами. Китайгородцев подошел ближе, всмотрелся, задумался.

– Мне бы такую машину, – сказал тапаевский родственник у него за спиной.

– Дорого обслуживать, – буркнул Анатолий.

– А вот ему денег не жалко, – наверное, имел в виду Та-

паева.

Автомеханик вернулся не один, а с Богдановым. Начальник тапаевской охраны держал в руке распахнутый блокнотик.

– Бампер, в общем, нужен новый, – перечислял механик, а Андрей Ильич с деловым видом записывал. – Стекло фары. Сама фара не нужна, эта цела. Решетка радиатора...

– Радиатор цел? – спросил Богданов.

– Цел. Ну, и красочки немного. Я по первой задую, будет как новая.

– Хорошо, – кивнул Андрей Ильич. – Сейчас я кого-нибудь отправлю, и через час у тебя всё для работы будет, – развернулся и скрылся в гараже. Похоже, что через гараж можно пройти в дом.

Китайгородцев, привлекая внимание автомеханика, постучал по дверце «Мерседеса».

– Кто это машину изуродовал?

– Царапины имеете в виду? Пацанва. Водитель машину в городе оставил без присмотра, возвращается – а тут эта беда.

– Значит, он сам не видел, что точно – пацанва?

– Не видел.

Анатолий распрямился, спросил, глядя мимо автомеханика на ослепительно белый свежий снег и от этой белизны некрасиво щурясь:

– Недавно было, да?

– Месяца три назад.

Ну, конечно, кто бы сомневался...

Китайгородцев беспрепятственно прошёл через гараж, действительно нашел дверь, ведущую в дом, и, переступив порог, оказался на территории, на которой его пребывание запрещалось, – и, по логике, должно было бы тотчас же пресечено тапаевской охраной. Но никто его не остановил... Он прошел по коридору первого этажа, бесшумно ступая по мягкому покрытию, и очень скоро оказался в обширной гостиной. Здесь ничто не указывало на присутствие людей. Идеальная чистота; ни один из предметов не хранит следов небрежного с ним обращения; во всем – музейная выверенность и навевающая скуку гармония.

«А что это?! – замер Анатолий. – Шаги наверху? Кто-то прошёл, – и снова тихо... Будто и нет никого?»

Китайгородцев вернулся в коридор. Вдруг открылась одна из многочисленных дверей – и появился Богданов. Увидел Анатолия и в первый миг замер на месте от неожиданности.

– Эт-т-то ш-ш-то?! – выдохнул протяжно. – Я ж тебе говорил!

Анатолий втолкнул его в комнату, из которой Андрей Ильич только что вышел, и прикрыл за собой дверь. Здесь не было никого, кроме них.

– Я тебя спрашивал об обстановке вокруг твоего хозяи-

на, – сказал Китайгородцев, зло щурясь, как несколько минут назад он шурился на улице, где расспрашивал мальчишку-механика о странных царапинах на автомобильной дверце. – Я же не из любопытства спрашивал, я дело делал! У меня – девчонка, за которую я башкой отвечаю, а ты меня успокоительным кормишь!

– Ну, ты, полегче! – огрызнулся растерянный Богданов, который не мог понять, в чем кроется причина внезапной вспышки агрессивности у его собеседника.

– Я не буду «полегче»! Ты хоть понимаешь, что твой хозяин под ручку с костлявой старухой ходит?

– С к-какой старухой?

– С той, что с косой! Ты понимаешь, что он кому-то дорогу перешел? Что его элементарно грохнуть хотят? Охранника у тебя застрелили – тебя это ни на какие тревожные мысли не натолкнуло? Или покорёженный замок тапаевского «мерса» – это пацаны побаловались, да? А то, что мину хотели в машину заложить, да что-то у них не получилось, спугнули их – такой вариант ты не рассматривал?

– Я поболее тебя знаю!

– Что ты знаешь?! – Китайгородцева душила злоба.

– Чего же ты хотел? – огрызнулся Богданов. – Тапаев таким заводом владеет! Многие миллионы годового оборота – и чтобы у него этакое добро никто отнять не захотел? Конечно, будут враги. У всех есть враги. И у тебя вот тоже наверняка есть, и у меня. И что? Да, его пасут, но и мы тут не

лыком шиты.

– Кто пасет – знаешь?

– Пофамильно – нет, конечно. Но враги есть.

– И давно ты знаешь, что они есть?

– Больше года как. Мне, между прочим, его убить предлагали.

– Кто? – опешил от таких подробностей Анатолий.

– Так, вышли на меня, – ответил Андрей Ильич неопределенно. – Обработывали какое-то время. А потом уже напрямую предложили хозяина убить за деньги. Я Тапаеву доложил.

– Как же они не побоялись начальнику охраны такое предлагать?

– А я еще не был тогда начальником. Просто – рядовой охранник. Уже после того случая Тапаев меня отблагодарил...

– Понятно, – кивнул Анатолий. – Ты мне скажи – машину дашь?

– Зачем?

– До станции доехать.

– Куда это ты собрался?

– Уезжаем мы. Немедленно! Эвакуация клиента из опасной зоны – тебе такое действие охраны знакомо?

Китайгородцев быстрым шагом преодолел расстояние до гостевого дома. У входа в дом стоял не виденный никогда прежде Анатолием вальяжный господин: в дорогом пальто, без головного убора... редкие волосы аккуратно уложены, очки – в золотой оправе. Не местная птица. Из Москвы? Тогда это – Виталий Степанович? К Роману-наркоману гость приехал.

Разминулись, даже не кивнув друг другу. Телохранитель стремительно взбежал на второй этаж. Вошел в свою комнату – и уже через неё прошел к Рите. Та еще нежилась в постели и встрепенулась, когда он вошел. Не ожидала – без стука, не предупредив... Он никогда не позволял себе ничего подобного!

– Извините, – сказал Анатолий и отвернулся к окну, чтобы не смущать свою подопечную.

– Что случилось? – У нее был встревоженный голос.

– Мы уезжаем, – объявил Китайгородцев.

– Почему?

– Потому что мы не можем здесь оставаться.

– Да что случилось?!

– В целях безопасности! Так надо.

У него за спиной раздался вздох. Едва ли не вздох облегчения. Думала, мол, что произошло что-то ужасное, а тут –

всего-навсего какая-то безопасность. Фи!

– Я никуда не поеду!

– Послушайте! – Анатолий резко обернулся, и осёкся.

Рита сидела на кровати, спустив ноги на ворсистый ковер. Пёстрая пижама, из воротничка которой торчит тоненькая девичья шея; розовые, наверное, теплые со сна, ступни; буйство анархии в причёске. Никогда прежде она не смотрелась таким ребёнком. Карапуз еще только-только проснулся, а взрослые уже его теребят, торопят одеваться – а зачем? Ведь так комфортно в тёплой постели! Китайгородцев снова отвернулся к окну.

– Рита! – продолжил он. – Это даже не может обсуждаться! Через пятнадцать минут Богданов подаст машину, мы грузим вещи и уезжаем. Ваш отец заключил с нами договор на охрану. И я сделаю все, чтобы вы были в безопасности.

– Вот и делай! – сказала Рита капризно.

«Ну, точно – ребенок!»

– Я увезу вас отсюда во что бы то ни стало!

– Попробуй!

Он не выдержал и снова обернулся. Рита все так же сидела на кровати, глаза смотрели сердито.

– Хорошо, – сказал Китайгородцев. – Я свяжусь с вашим отцом, объясню ему обстановку...

– Идите вы оба к черту – и ты, и он! – с неожиданной яростью бросила Рита.

«Для нее сейчас и отец, и я – равны. А отца она не очень-

то любит...» – не успел Анатолий додумать эту мысль до конца, как вдруг дверь комнаты открылась, вошёл хмурый Богданов и произнёс:

– Толик! Тебя хозяин к себе кличет! Срочно!

«Доложил уже, старый хрыч, о том, что гости разбегаются?»»

– Собирайтесь! – сказал Китайгородцев Рите, прежде чем вышел из комнаты. – Я вернусь, и мы уедем!

Вышел – и не увидел, как вслед ему Рита послала непристойный жест.

Направляясь к хозяйскому дому, Богданов шел впереди, постоянно поворачивался вполоборота к Китайгородцеву и говорил отрывисто, с хмурым выражением лица:

– Ты там не очень-то... Без всех этих твоих штучек... Поменьше рот открывай, в общем... Мы тут делаем что можем...

Он заметно нервничал.

У входа в дом прохаживался охранник. Ещё одного Анатолий обнаружил в той самой гостиной, где он побывал десять минут назад. Тогда никакого охранника здесь не было.

Андрей Ильич остановился у лестницы, ведущей наверх.

– Да, и вот еще что, – пробормотал он, озабоченно потирая лоб. – Оружие сдай.

И протянул руку.

Анатолий не шелохнулся.

Пауза длилась несколько долгих секунд.

– Оружие не сдам, – решительно сказал телохранитель. –

И вообще, я к твоему хозяину в гости не напрашивался.

Получалось, что если они не хотят – так и не надо, Китайгородцев развернется и уйдёт. Поняв это, Богданов вздохнул, сказал, помрачнев еще больше:

– Ладно, пошли.

Они поднялись на второй этаж. Андрей Ильич – впереди, Анатолий – за ним. Недлинный коридор вывел их в комнату, где скучал еще один охранник. Прошли мимо, тот проводил их нелюбопытным взглядом. А следующая комната оказалась кабинетом хозяина дома. Массивный стол, компьютер, небольшой книжный шкаф, слепящий золотом корешков, коллекция холодного оружия на стенах, шторы с кистями, современное ковровое покрытие на полу – все очень дорого, но вряд ли сочетаемо.

Тапаев стоял у аквариума с рыбками, держа в руке рюмку недопитого коньяку. «Невысок, – разглядывал его Анатолий, – лоб с залысинами, волосы зачёсаны назад, ворот дорогой шелковой рубашки распахнут, светло-серый пиджак с отливом – так когда-то одевались подпольные предприниматели-«цеховики». Это их мода – стиль одежды, вычурный и расслабленно-неофициальный одновременно... А взгляд у богача замечательный. Ничего не прочитаешь. Смотрит, как

спит. Ноль эмоций!»

– Здравствуйте, – произнес Китайгородцев. Хозяин дома только кивнул в ответ. Отпил коньяку из рюмки.

– Ты иди, – легкое движение руки.

Богданов исчез за дверью.

– Рад познакомиться, – сказал Тапаев. – Тем более что уже наслышан. Дочь рассказывала про случай на дороге... Давно вы в телохранителях?

– Шесть лет.

– Давно, – бесстрастным голосом произнес Тапаев. – Шесть лет – это опыт. Да?

– Да.

Хозяин дома посмотрел на рыбок. Они поднимались к поверхности воды и торопливо поглощали плавающий там корм. Наверное, он сам только что подсыпал.

– Мне Богданов сказал, что вы вдруг срочно засобирались отбыть восвояси, – произнес бизнесмен, задумчиво глядя на рыбок.

– Да.

– В чём причина?

«Юлить не надо», – понял Китайгородцев.

– Оперативная обстановка.

– Опасно, да? – осведомился Тапаев.

– Да.

– А вы привыкли в спокойной обстановке работать?

Поддел. Анатолий даже не ответил. У него – свои задачи.

И к чему все подробно объяснять?

Хозяин дома отвлекся от своих рыбок, посмотрел на гостя:

– Что же вы такого увидели, что привело вас в беспокойное состояние?

Вот сейчас, впервые, Китайгородцев уловил в интонациях собеседника настоящий интерес. Как будто бизнесмен хотел услышать от Анатолия, что же такое тому бросилось в глаза, что насторожило? Ведь про опасность здесь никто не говорил, все помалкивали, делая вид, что ничего особенного не происходит... Но вот появляется пришлый человек, телохранитель со стороны, а у него – подготовка, опыт и поражающая людей несведущих способность в несколько мгновений ликвидировать возникшую вдруг опасность, что он и продемонстрировал как раз накануне... И вот этот парень увидел в окружающей обстановке нечто такое, что подвигло его к спешному и безусловному отъезду.

– Что же вы увидели? – повторил свой вопрос Тапаев, поскольку Китайгородцев замешкался с ответом.

– Вас разрабатывают, – сказал Анатолий. – У меня нет полной информации, о многом я могу только догадываться, но вам угрожает опасность, это бесспорно.

– У человека моего уровня действительно могут порой возникнуть проблемы, – пожал плечами бизнесмен и поставил рюмку с недопитым коньяком на стол. – Но ведь всё решается. У меня есть охрана...

– Охрана не справляется со своими обязанностями, – ре- зал гость, нимало не заботясь о том, что может кого-то под- вести столь нелицеприятным отзывом.

А что? Халатность повара обернется всего лишь подго- ревшей кашей. Халатность охраны имеет конечным итогом чью-то кровь...

– Вы так считаете? – бесстрастно осведомился Тапаев.

Но за этой внешней бесстрастностью угадывалось насто- роженное любопытство.

– Охраны не видно вовсе, – объяснил Анатолий. – А когда охранники появляются в поле моего зрения, они выполняют какие угодно функции, но только не свою непосредственную работу. Приносят вино, приносят ужин. Начальник охраны, как какой-нибудь завхоз, лично записывает в блокнотик, что из железа нужно закупить для разбитого автомобиля гостя... Будто у него нет других забот! А тем временем остается по- вреждённой внешняя сигнализация, я видел это сегодня сво- ими глазами! На охраняемой территории нет практически никакого освещения, темнота ночью – хоть глаз выколи. До- ступ к дому – свободный. Доступ в дом – свободный. Я сего- дня через гараж вошел в дом, прошел до гостиной, и никто меня не остановил...

– Но вы же не враг? Вы – наш гость. Поэтому охрана...

– Ваша охрана меня знает три неполных дня! Они не про- веряли, кто я такой и откуда вообще здесь взялся, но зато они были в курсе, что я вооружен, – и тем не менее я спо-

койно прошел в дом. Начальник вашей охраны три минуты назад, когда мы сюда шли, пытался на время забрать у меня мой пистолет. Я отказался сдать оружие, и он даже не стал настаивать! Сейчас я стою перед вами, у меня в кобуре – пистолет, и там – целых двенадцать патронов. Между нами – расстояние в три метра, а я – мастер спорта по стрельбе... И вы хотите сказать, что вас охраняют профессионально и потому с вами никогда не может случиться ничего плохого?

Напор Китайгородцева был таков, что у бесстрастного до поры до времени Тапаева даже вытянулось лицо.

– По последней моде ворота сделали с дистанционным управлением? – продолжал Анатолий. – Охранник сидит в тёплой комнате, в двухстах метрах от ворот, и открывает их нажатием кнопки, глядя на монитор. А он видит на мониторе, кто там, в машине, сидит? Машина своя, знакомая, из вашего гаража? А если метров за пятьсот от ворот вашего водителя из машины выбросили, и теперь в машине – чужие?

Бизнесмен выглядел обескураженным.

– Извините, – развел руками Китайгородцев. – Мне, наверное, следовало бы выбирать более дипломатичные выражения.

– Да уж, – пробормотал Тапаев.

Вряд ли гость нагнал на него такого уж страху. Просто очень неприятно бывает узнать о том, что ты-то думал – обладаешь настоящей вещью, а оказалось – так, пустяк, фи-тюлька, тебе за рубль впарили то, что стоит три копейки...

Обманули, в общем. И вот обман раскрылся: он думал, что его охраняют, а это – всего лишь видимость.

– Я слышал, что вы уезжаете, – вдруг сказал Анатолий.

Хозяин дома вскинул голову. Наверное, не думал, что о его планах известно всем вокруг.

– Это правильное решение, – продолжил Китайгородцев. – А здесь за время вашего отсутствия можно – и нужно! – наладить охрану. Настоящую охрану!

– Хорошо. Вы бы взялись?

– Нет.

– Почему? – приподнял бровь бизнесмен.

– У меня есть своя работа. В Москве. А здесь я – так, в командировке...

Только сейчас Анатолий понял, почему хозяин особняка, прятавшийся ото всех и не принимающий даже кое-кого из своих родственников, решил встретиться с ним – телохранителем подружки своей дочери. Припекло, похоже, сидельца. Неважные у него дела. Но это его проблемы. Ему и выпутываться.

– Извините, – посмотрел на часы Анатолий. – Мне надо ехать. Вы не против, если я пойду?

Машина уже стояла у гостевого дома. За рулем сидел хмурый Богданов. Лично.

– Пять минут! – сказал ему Китайгородцев. – И едем!

Поднялся наверх. Рита уже была одета в свитер и джинсы. Сидела с зеркальцем за столом, подводила губы. Даже не обернулась, когда Китайгородцев вошел, но по её виду догадался – ждёт, что он ей скажет. Ничего говорить Анатолий не собирался – всё уже сказано. Распахнул дверцы шкафа, взял в руки сумки.

– Оставь! – скомандовала Рита.

Так он её и послушался... Снёс сумки вниз, уложил в машину, снова поднялся в комнату. Девушка уже переставила стул к шкафу, села, закинув ногу на ногу, и не было никакой возможности забрать оставшиеся вещи.

– Я никуда не поеду! – отрезала Рита. – Даже не надейся! Ты – всего лишь телохранитель! Работник. Слуга. И ты не можешь мной командовать.

Она была очень сердита.

– Иногда бывают ситуации, когда телохранитель берет ответственность на себя, – произнес Китайгородцев, пытаясь в своём голосе соединить несоединимое – мягкость и твердость. – Делает то, что в обычных условиях не позволил бы себе ни за что. Мой товарищ охранял одного человека. Богатого. Очень важного. Могущественного. И когда тому важному человеку однажды грозила опасность, мой товарищ сбил его с ног, а сам навалился сверху. Важному человеку лежать было очень неудобно, потому что, во-первых, мой товарищ весил почти сто килограммов, а во-вторых, он свалил

клиента прямо в лужу. Тот попытался привстать – и тогда мой товарищ дал ему тумака...

Рита, наверное, живо представила себе такую картину, потому что не сдержалась и прыснула – куда только ее сердитость подевалась? Ребёнок ребёнком.

– Ты хочешь сказать, что не будешь со мной церемониться? – спросила она.

Китайгородцев подумал, прежде чем ответить:

– Нет, что вы. Я попробую вас уговорить.

– И не надейся!

– В таком случае я уеду один.

– Ты шутишь! – неприятно удивилась Рита.

Вышедший из повиновения и сбежавший слуга – кому такое может понравиться?

– Нисколько, – разочаровал ее Анатолий. – Я спрашиваю вас в последний раз: вы едете?

– Нет!

Ответила твёрдо, но во взгляде у неё читались изумление и недоверчивость. До сих пор не могла поверить в то, что он бросает её на произвол судьбы... Хорош охранничек, нечего сказать!

– Значит, я уезжаю.

– Тебя уволят, – напомнила о грядущих неприятностях Рита.

Она пыталась его удержать. Все-таки эта история дойдёт до ее отца. Будет большой скандал. Она смотрелась сейчас

нашкодившим ребенком. Натворила дел и теперь терзалась страхами – расскажут о её проказах взрослым или же всё сойдёт ей с рук?

– Это не ваша забота! – отрезал Китайгородцев.

Девушка нервно покусывала губы. А он еще надеялся, что ее можно будет уговорить. Но напрасно надеялся.

– Катись колбаской по Малой Спасской! – дерзко сказала Рита.

– Как знаете, – буркнул Анатолий и развернулся к выходу. – Там, в машине, – ваши сумки. Забирайте.

– Ты уносил, ты и принесёшь.

– И не подумаю.

– Я тебе это припомню!

– Трепещу в ожидании.

Ей некуда было деваться, и она пошла за Китайгородцевым следом. Спустились к машине.

– Сумки в салоне, – сухо сообщил телохранитель.

Всем своим видом он демонстрировал Рите, что к её вещам не притронется. Даже руки держал за спиной. Она его рук не видела, а вот сидевший в машине Богданов видел – и очень, если судить по выражению его лица, увиденному удивлялся. Но Рита на выражение богдановского лица внимания не обратила и нырнула в салон, чтобы забрать сумки. Тогда Анатолий наручниками, которые держал в руках, споро, в одно мгновение, пристегнул девушку к пластиковой ручке над дверью. – Мы уезжаем, – сказал он опешившей от

такого коварства Рите. – Сейчас я принесу оставшиеся вещи.

Когда Китайгородцев вернулся, Андрей Ильич стоял у машины, нервно потирая руки, и вообще выглядел обескураженным.

– Послушай, – сказал он вполголоса. – Не надо бы так. Ну что ты ее насильничаешь?

– Едем! – сказал, как отрезал, телохранитель.

А Рита смотрелась разъярённой фурией. Когда Анатолий сел на переднее сиденье, она ударила его в спину и закричала:

– Немедленно меня освободи!

И – ещё один удар.

– Я сейчас вторую руку пристегну, – пообещал Китайгородцев таким тоном, что нельзя было не поверить – так и сделает, как говорит.

– У тебя крыша поехала! – заскулила почувствовавшая собственную беспомощность пленница. – Ты хоть понимаешь, что творишь? Насильственное лишение свободы! Ты же срок получишь! Я заявление напишу!

Телохранитель молчал.

– Я отцу пожалуюсь, он тебя сгноит! Всё ваше агентство несчастное на уши поставит и заставит лезгинку танцевать!

Андрей Ильич демонстративно вздохнул и выразительно

посмотрел на Китайгородцева. Тот сделал вид, что богдановского взгляда не заметил.

Выехали за ворота. Навстречу, по свежему снегу, который еще не успели как следует раскатать автомобили, мчалась на снегоходе Аня. Шарф ее развевался; глаза за тёмными очками нельзя было разглядеть, но на лице девушки сиял восторг. Рита рванулась, увидев подругу:

– Остановите! Остановите!

Свободной рукой замолотила по спине Богданова.

– Не останавливаться! – процедил сквозь зубы Анатолий, глядя прямо перед собой. – Прибавь скорости.

Аня увидела странную возню в автомобиле, который катился ей навстречу, – а когда они поравнялись, обнаружила в салоне машины подругу. Рита металась на заднем сиденье и кричала что-то. Слов было не разобрать. Пока Аня развернула снегоход на узкой дороге, автомобиль умчался далеко вперёд и даже повернул на трассу. Когда Аня подъехала к перекрёстку, по трассе как раз шла автоколонна. Девушка остановилась, теряя драгоценное время, а когда продолжила путь, преследуемый ею автомобиль уже скрылся из виду. Некоторое время Аня еще гнала свой снегоход по трассе, за каждым новым поворотом ожидая увидеть автомобиль с Ритой, но он все никак не появлялся... И она в конце концов испугалась – то ли мистической недосыгаемости страшного автомобиля, то ли сумасшедшей скорости, которую развил её снегоход, – а поэтому совсем остановилась.

В машине Рита еще некоторое время бесновалась, но в итоге утомилась и затихла. Китайгородцев подумал даже, что она плачет. Обернулся. Никаких слез. Сжалась в комок и смотрит озлобленным зверьком.

– Простите, – сказал он ей.

Впереди показались шлагбаум и охранники в черном.

– Это ведь твои ребята! – обратился Анатолий к Богданову. – Сделай, чтоб без задержки, а?

Подъехали. Андрей Ильич махнул рукой – поднимай шлагбаум, мол, но никто не спешил выполнить его указание. Один из охранников направился к машине. Богданов распахнул дверцу:

– Что такое?

– Тапаев хочет с вами поговорить, – ответил парень и протянул своему шефу переговорное устройство.

– Слушаю, Генрих Эдуардович...

Сквозь несильный треск донесся тапаевский голос:

– Ты сейчас на шлагбауме?

– Да, Генрих Эдуардович.

– Москвичи с тобой?

– Со мной, Генрих Эдуардович.

– Дай-ка мне телохранителя этого...

Андрей Ильич передал радиостанцию Китайгородцеву.

– Я слушаю, – отозвался тот.

Тапаевский голос продолжил:

– Я сейчас переключу вас на вашего шефа. Поговорите с

ним.

Раздался щелчок, и послышался голос Хамзы в переговорном устройстве:

– Толик?

– Да, Роман Александрович.

– Что там у тебя?

– Нормально. Возвращаемся. Три-ноль.

– Понял тебя.

«Три-ноль» в «Барбакане» означало, что подробный доверительный разговор в данный момент невозможен.

– Ты мне перезвони, – попросил Хамза.

– Через час.

– Почему через час?

– Мы стоим посреди заснеженного леса, до ближайшего телефонного аппарата – километров двадцать, у меня в руках – радиостанция, и нет никакой возможности набрать ваш телефонный номер...

– Хорошо, я жду.

До тапаевского поместья было километров двадцать, до железнодорожной станции – много больше.

– Возвращаемся? – поинтересовался Богданов.

– Вперед! – скомандовал Китайгородцев. – Я позвоню с вокзала.

Потом прикинул что-то в уме и покачал головой:

– В Москве сейчас – раннее утро. Твой хозяин, получается, всех там на уши поставил. До нашего директора добрал-

ся. Из постели поднял, наверное...

У здания железнодорожного вокзала Анатолий вышел из машины, сделав вид, что просто забыл снять с Риты наручники. Опасался, что не обнаружит ее, когда вернется.

Не зная, где находится его шеф, позвонил ему на мобильный.

– Да, слушаю, – отозвался Хамза. – Тьфу, чёрт... Это я не тебе, Толик. Я бреюсь, а эта чертова пена...

Значит, он действительно еще дома.

– Рассказывай, что там за обстановка.

– Дрянная обстановка, – сообщил Китайгородцев. – Мы драпаем.

– Неужели так плохо? – не поверил Хамза.

– Наш олигарх, к которому мы приехали в гости, заперся в своем поместье, потому что у него какие-то неприятности и он всерьез боится за свою жизнь. Охрана у него – ни к чёрту, и если сюда прибудет пара-тройка грамотных ребят, уже на следующий день вы увидите некролог в «Коммерсанте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.